

А.А. Широкова (Москва, Россия)

Образ первоцвета в стихотворении Адама Мицкевича «Pierwiosnek» и его переводах на восточнославянские языки.

Аннотация: В статье представлен анализ стихотворения Адама Мицкевича «Pierwiosnek», входящего в романтический цикл «Баллады и романсы», и его переводов на русский, белорусский и украинский языки. Анализируются номинации первоцвета, функционирующие в заглавии, в устах лирического героя, самоназвания героя-растения в польском оригинале и восточнославянских переводах. Проводится сопоставительный анализ польского оригинала и восточнославянских переводов в обозначении таких атрибутов растения, как его размер, цвет соцветий, составные части растения, время цветения, место произрастания, что позволяет составить представление о сходствах и различиях образов первоцвета в переводах по сравнению с оригинальным текстом. Частично затронут вопрос компенсационных техник, используемых переводчиками. Анализ осуществляется с учетом обширной флоронимической базы польского и восточнославянских языков.

Ключевые слова: флороним, фитоним, перевод, художественный образ

A.A. Shirokova (Moscow, Russia)

The Image of a Primula in Adam Mickiewicz's Poem "Pierwiosnek" and Its Translations into East Slavic Languages

Abstract: The article presents an analysis of Adam Mickiewicz's poem "Pierwiosnek", which is a part of the romantic cycle "Ballads and Romances", and its translations into Russian, Belarusian and Ukrainian. The nominations of the primula which function in the title, in the speech of the lyrical subject, and as the self-designation of the hero-plant in the Polish original and East Slavic translations are analyzed. A comparative analysis of the Polish original and the East Slavic translations is carried out in the designation of such attributes of the plant as its size, the color of the inflorescences, the components of the plant, the time of flowering, the place of growth. That allows us to form an idea of the similarities and differences of the images of the primula in the translations compared with the original text. The issue of compensation techniques used by translators is partially touched upon. The analysis is carried out taking into account the extensive floronymic base of the Polish and East Slavic languages.

Key words: floronym, phytonym, translation, fiction image

Стихотворный цикл «Баллады и романсы» создавался Адамом Мицкевичем в 1819–1821 гг. и вошел в первый сборник стихов молодого поэта, изданный в 1822 г. в Вильно (ныне Вильнюс). Именно эта публикация считается событием, положившим начало эпохе романтизма в польской литературе. В цикл вошли такие важные тексты, как баллада «Романтика» («*Romantyczność*») с ее знаменитым призывом «*Miej serce i patrzaj w serce*» («Сердце имей – и в сердце смотри ты», пер. Павла Карабана), ставшая, по сути дела, манифестом польского романтизма, баллады «Свитезянка», «Лилии», «Свитезь» и др. Сборник предварялся авторским вступлением – статьей «О романтической поэзии» («*O poezji romantycznej*»), носившей программный характер и являвшейся ответом критикам романтизма, видевшим в нем поверхностное модное увлечение.

В сборнике 1822 г. отразились личные переживания Мицкевича, вызванные отношениями с возлюбленной, Марылей Верещак, которая была «заказчицей» и адресатом этих баллад¹. Имя Марыля упоминается во многих текстах сборника («*Kurhanek Maryli*» – «Могила Марыли», «*Do przyjaciół*» – «К друзьям» и др.), а в балладе «*To lubię*» («Люблю я») содержится обращение к Марыле как к слушательнице рассказа поэта. К ней же обращено и послание «*Do M****» («К М...») – прощание поэта с любимой, уже ставшей супругой другого (в 1821 г. Марыля Верещак вступила в брак с графом Путкамером).

В «Балладах и романсах» молодой автор широко использовал мотивы народной поэзии, искусно менял интонации – от сентиментальной и патетической до шуточной и иронической, тонко психологизировал элементы пейзажной лирики. Следует отметить, что в текстах цикла нередко оказывается задействована фитонимическая лексика (что немаловажно для нашего исследования):

номинации растений: деревьев: *jodła* ‘пихта’, *modrzew* ‘лиственница’, *łoz* ‘лоза, верба’, *czerecha* ‘черемуха’, *buk* ‘бук’, *cyprys* ‘кипарис’, *drzewo* ‘дерево’; травянистых растений: *trzcina* ‘тростник’, *jaskier* ‘лютик’, *wodna lilijka* ‘водяная лилия’, *lilia* ‘лилия’, *róża* ‘роза’, *tymianek* ‘тимьян’, *kwiatek* ‘цветок’, *ziele*, *ziółko* ‘травянистое растение вообще’, *murawa* ‘густая трава’, *trawka* ‘травка’; кустарников: *glóg* ‘боярышник’, *ciernie* ‘колючий кустарник’, *krzak* ‘куст’; ягод: *maliny* ‘малина’; плодов: *jabluszek* ‘яблочко’; мхов: *mech* ‘мох’;

номинации частей растений: *listek* и устар. *list* ‘листок’, *kwiecie* собирает. ‘цветы, соцветия’, *gałąź*, *gałązka* ‘ветка, веточка’, *ziarno* ‘зерно’;

номинации мест их произрастания: *las* ‘лес’, *bór* ‘бор’, *puszcza* ‘чаща’, *knieja* ‘дебри’, *bagno* ‘болото’, *łąka*, *łączka* ‘лужок’, *pole* ‘поле’, *gaj* ‘роща’, *chrośniak* и устар. *chrust*, *zarostek* ‘заросли’;

номинации предметов, создаваемых из растений: *wianek*, *wieniec* ‘венки’;

а также иная фитонимическая лексика: *siano* ‘сено’, *stóg* ‘стог’.

Немаловажно, что центральным образом стихотворения, открывающего цикл «Баллад...», также является флористический образ: в стихотворении, озаглавленном флоронимом («*Pierwiosnek*» – «Первоцвет»), представлен диалог лирического героя с цветком-первоцветом. Именно анализу образа первоцвета в данном тексте и его переводах на восточнославянские языки будет посвящена данная работа.

¹ Мицкевич А. Стихотворения, поэмы / Пер. с пол.; вступ. статья, сост. и примеч. Бориса Стахеева. М.: Художественная литература, 1979. С. 9.

Помимо оригинального текста¹, для анализа были выбраны переводы стихотворения на русский язык, выполненные Николаем Семеновым² и Леонидом Мартыновым³, перевод на украинский язык авторства Марии Пригары⁴, перевод на белорусский язык, сделанный Миколой Аврамчиком⁵. Анализ переводов представляется необходимым по нескольким причинам. Во-первых, переводы на инославянские языки текста, прецедентного для эпохи романтизма – периода, ярко представленного во всех славянских культурах, – сами по себе являются важным фактом в области взаимных контактов славянских культур. Во-вторых, особенности использования флоронимов и тематически близкой им лексики в текстах художественной литературы восточнославянских языков составляют один из предметов проводимого нами более широкого исследования, результаты которого мы надеемся представить позднее.

1. НОМИНАЦИИ РАСТЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

1.1. Заглавие

Как уже говорилось выше, номинация растения использована в заголовке стихотворения: *pierwiosnek* – название первоцвета (лат. *Primula*; в современном польском языке используется также синонимичный флороним латинского происхождения *prymulka*). С точки зрения словообразования это флороним-компонит, полученный в результате сложения двух исконных основ *pierw* – ‘первый’ *wiosn* – ‘весна’ с добавлением деминутивного суффикса *-ek* (имеет место усечение основы, связанное с устранением повтора согласного *w*). Таким образом, в номинации одновременно указывается на время года, на которое приходится цветение растения, и на раннее даже для весенних цветов (одними из первых) появление. (Этот же признак закреплен в латинской номинации, образованной от порядкового числительного *primus*, *-a*, *-um* ‘первый’.)

В обоих русских переводах в заголовке использован эквивалент *первоцвет*, называющий то же растение. Он обладает схожей словообразовательной структурой: это компонент, в котором также использована основа *перв-*, однако второй элемент отличен от польского – сочетание с основой *цвет-* можно истолковать, например, как ‘первый цветок’ или ‘цветущий первым’. Таким образом, указание на время года отсутствует; впрочем, оно вовсе не обязательно, учитывая, что появление первых цветов в умеренной климатической зоне в любом случае приходится на весну. У растения есть также синонимичные номинации – латинизм *примула* и *баранчики* (данная номинация, вероятно, указывает на опушенность его листьев). Следует также отметить, что у флоронима *первоцвет* есть и более обобщенное, нестрогое значение ‘растение, начинающее цвести ранней весной’⁶.

¹ [Электронный ресурс]: www.dbc.wroc.pl/dlibra/publication/7416/edition/6758/content (дата обращения: 15.01.2023).

² Сочинения А. Мицкевича. Рус. пер. В. Бенедиктова, Н. Семёнова и др. рус. поэтов / Под ред. Н. Полевого. Т. 1. М.: СПб, 1882. С. 3–4.

³ *Мицкевич А.* Стихотворения, поэмы. С. 45–46.

⁴ *Мицкевич А.* Вибрані поезії / В перекладах українських радянських поетів. Київ: Радянський письменник, 1948. С. 11–12.

⁵ *Мицкевич А.* Выбранные творы / Переклад на беларускую мову. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, Рэдакцыя мастацкай літаратуры, 1955. С. 91–92.

⁶ Большой толковый словарь русского языка, 1998. [Электронный ресурс]: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%BE%D1%86%D0%B2%D0%B5%D1%82&all=x> (дата обращения: 15.01.2023).

В украинском и белорусском языках примула имеет схожие названия – *первоцвіт* и *першаквет*. Интересно, что при этом оба переводчика выбирают иные флоронимы – укр. *пролісок*, белор. *пралеска*. Будучи межъязыковыми эквивалентами, данные флоронимы обозначают пролеску (лат. *Scilla*). Как и примула, пролеска цветет ранней весной, однако, в отличие от первой, имеет соцветия сине-фиолетового оттенка, что даже получило закрепление в словарных дефинициях: «проліска, пролісок – рід трав'янистих рослин родини лілійних із блакитними або синіми, рідше фіолетовими або майже білими квітками на безлистому стеблі»¹; «пралеска – травяністая расліна сямейства казьяльцовых з сіне-фіялетавамі кветкамі, якія зацвітаюць адразу пасля раставання снегу»². Однако в тексте стихотворения неоднократно подчеркнут (о чем речь пойдет ниже) желтый цвет соцветий «собеседника» лирического героя; это указание сохранено и в переводах.

1.2. Заглавия реплик

Основное пространство исследуемого художественного текста занимает диалог лирического героя – безымянного влюбленного поэта, в целом отождествляемого с личностью автора, и недавно появившегося первоцвета. Юноша, беспокоясь за хрупкий и нежный цветок, уговаривает его вернуться, спрятаться в земле, дожидаясь более надежного весеннего тепла, цветок же уверен, что «lepsza w kwietniu jedna chwilka / Niż w jesieni całe grudnie» («миг в апреле драгоценней / Всех декабрей поры осенней»; пер. Н. Семенова), и в ответ предлагает свои соцветия для венка, который можно преподнести в дар богам, друзьям или возлюбленной.

Первые четыре строки стихотворения представляют собой нечто вроде экспозиции, предваряющей начинаемый позже диалог, остальная же часть – 9 четверостиший с перекрестной рифмовкой – оформлена как обмен репликами между двумя героями. Реплики оформлены соответствующим образом: слова юноши озаглавливаются как «Ja» («Я»), первоцвета – «Kwiatek». Интересно, что, несмотря на использование в заглавии стихотворения конкретного флоронима, в заглавиях его реплик использован гипероним *kwiatek* (точнее, деминутив от гиперонима *kwiat* ‘цветок; цветущее растение, используемое в декоративных целях’).

При переводе заглавий реплик переводчики должны были столкнуться с некоторыми трудностями. Русское нейтральное соответствие-гипероним *цветок* само по себе содержит суффикс -ок, не имеющий, однако, деминутивного значения (польская лексема *kwiat* и русская *цвет*, при их внешнем сходстве, являются межъязыковыми омонимами). В переводе Н. Семенова реплики первоцвета озаглавлены именно как «Цветок», – т. е. уменьшительное значение, наличествующее в оригинале, утрачено. В переводе Л. Мартынова используется деминутив «Цветочек», что в большей степени соответствует значению оригинальных заглавий, однако, за счет увеличения числа слогов, заголовков смотрится более длинным (особенно по сравнению с однобуквенным заглавием «Я»).

При переводе на другие восточнославянские языки неизбежно возникает иная проблема: если польская и русская лексемы ‘цветок’ совпадают по грамматическому роду, то их украинский и белорусский эквиваленты, *квітка* и *кветка* соответственно, – слова женского рода. Таким образом, собеседник поэта в переводах превращается в... собеседницу! Женский род по отношению к герою-первоцвету

¹ Словник української мови. Академічний тлумачний словник (1970–1980). [Электронный ресурс]: <http://sum.in.ua/s/prolisok> (дата обращения: 15.01.2023).

² Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. 1977–1984. [Электронный ресурс]: <https://www.skarnik.by/tbim/63335> (дата обращения: 15.01.2023).

употребляется и в самих репликах: укр. «Ані троянди кольорів / Ти не дістала уранці», белор. «Між травы ў цяньку бяроз ты / **Выглянула, дарагая!**» (курсив мой. – А.Ш.). В белорусском переводе «женственность» цветка подчеркнута также и за счет заглавия стихотворения – флоронима женского рода пралеска. В украинском языке из двух равноправных вариантов *пролісок* и *проліска* переводчиком был выбран вариант мужского рода, – вероятно, для большего сходства с оригиналом; в результате нельзя не заметить несоответствия между мужским родом лексемы-заглавия и женским родом номинаций и соотносимых с ними грамматических форм в тексте перевода.

1.3. Номинации в тексте стихотворения

В оригинальном тексте точная номинация растения – *pierwiosnek* – помимо заглавия стихотворения использована только во вступительном четверостишии: Najrańszy kwiatek **pierwiosnek** / Wysłnął ze złotych obsłonek. Эта закономерность сохранена в украинском и белорусском переводах, а также в переводе Н. Семенова: «Пролісок милий розкрився / У золотій оболонці»; «Цветка першая – пралеска / Блиснула сярод паляны»; «Уж самый ранний первоцвет / Из золотых блеснул пеленок». В украинском переводе флороним сопровождается определением *милиий*, не имеющее соответствия в оригинале. В переводе Л. Мартынова номинация из заглавия не появляется; вместо нее фигурирует номинация, которая будет использована как заголовок реплик: «**Цветочек** ранний на поляне / Блеснул под золотистой пленкой»; при этом первоцветы, в большей степени в переносном смысле, упомянуты в финальных строках.

Обращаясь к первоцвету, лирической герой в оригинальном тексте в обеих своих репликах использует слово *kwiatek*: «Za wcześnie, **kwiatku**, za wcześnie», «W podłej trawce, w dzikim lasku / Urosłeś, o **kwiatku** luby!» – причем во втором случае обращение сопровождается поэтическим определением *luby* ‘милый, дорогой’. В переводах число обращений юноши к растению оказывается бóльшим.

В переводе Н. Семенова в первой реплике читаем: «**Цветочек**, рано из земли!» и «Укройся, **цветик** первородной», во второй – «Ты диким вырос, милый **цвет!**» Нельзя не отметить архаичное, пожалуй даже для времени создания перевода, определение *первородный*, а также использование однокоренных синонимов: деминутивов *цветочек* и *цветик*, бессуфиксальной номинации *цвет* в ее народно-поэтическом значении (при основном значении ‘зрительное ощущение’).

В переводе Л. Мартынова в первой и второй репликах использовано обращение *цветочек милиий*, причем во втором случае обращение зарифмовано с последующим дополнительным обращением *цветочек хилый*: «Средь чахлах травок перелеска / Ты вырос, о **цветочек милиий**; / В тебе ни мощи и ни блеска, / Так чем ты мил, **цветочек хилый?**» Таким образом, во всех трех случаях использована единая номинация, но сопровождающаяся двумя разными определениями.

В переводе М. Пригары обращение, использованное в первой реплике, в целом соответствует оригинальному *kwiatek*: «**Квітонько**, рано зійшла ти!» (с той разницей, что в данном случае нет полного совпадения с заглавием реплик «*Квіт-ка*»). Больше внимания привлекает специфическая номинация, использованная во второй реплике: «Бачу **весняночку** просту / В травах сухих серед гаю». Деминутив от лексемы *веснянка* использован здесь, судя по всему, в значении ‘ранний весенний цветок’; однако в словарной дефиниции, помимо значения ‘хоровая народно-обрядная весенняя песня’, находим только орнитонимическое значение:

«народна назва пташок, що прилітають ранньою весною»¹. Флоронимическое значение присутствует только у похожей лексемы *vesnivka*: это название майника (лат. *Maianthemum*). Таким образом, возможно, здесь мы имеем дело со своего рода переводческим окказионализмом (неосемантизмом).

В белорусском переводе в первой реплике юноши находится обращение *кветка*: «Рано, **кветка**, час не весні», – совпадающее с номинацией в заглавиях реплик и близкое оригинальному *kwiatek*. Во второй же реплике в качестве обращения используется одиночное прилагательное *дарагая*: «Між травы ў цяньку бяроз ты / Выглянула, **дарагая!**» (женский род обращения обусловлен и родом флоронима *пралеска*, и упомянутого выше гиперонима). В таком случае появление дополнительного обращения-существительного несколькими стихами ниже: «Ганарыцца, **кветка**, рана!» – можно рассматривать как переводческую компенсацию.

Помимо номинаций-обращений, в стихотворении также представлена описательная автономинация: первоцвет называет себя «ангелочком юной весны»: «Powitają przyjaciele / Mnie, **wiosny młodej aniołka**». «Ангельскую» автохарактеристику удалось сохранить в обоих русских переводах: «Мне, **ангелу весны чудесной**, / Привет найдется у друзей» (пер. Н. Семенова); «Твои друзья мне будут рады / **Весны посланцу, ангелочку**» (пер. Л. Мартынова), а также в белорусском: «Да спадобы будзе краска, / **Маладой вясны анёлак**». Дополнительная характеристика *посланец* как бы дублирует смысл, скрытый в лексеме *ангел*: согласно христианской традиции (и этимологии самого слова), *ангел* – это именно *вестник*, посланец Бога (в контексте стихотворения – весны как божества). Интересно, что в белорусском переводе описательная номинация предварена более простой – гиперонимом *краска* ‘цветок’.

В украинском переводе герой просто называет себя «маленьким цветком»: «Друзі вітатимуть радо / **Квітку малу з переліску**». Оригинальная автохарактеристика, таким образом, утрачивается; возникает, однако, дополнительное указание на место произрастания. В той же реплике цветка, завершающей стихотворение, в украинском переводе содержится еще одна гиперонимическая автономинация: «Але, небесна Марилько! / **Що тобі перша биліна!**»: исходное значение лексемы *биліна* ‘стебель растения’ здесь трансформируется в обобщенное ‘травянистое растение’.

2. АТРИБУТЫ ОБРАЗА РАСТЕНИЯ

Несмотря на относительно небольшой объем исследуемого художественного текста, образ первоцвета оказывается представлен в нем достаточно подробно, будучи наделенным яркими особенностями, воспроизводящими многие характеристики образа примулы, существующего в польской народной и национальной культуре. Подробное описание системы этих характеристик приведены в «Словаре народных стереотипов и символов» в статье «*Pierwiosnek*»², на которую мы во многом будем опираться ниже.

2.1. Цвет соцветий

В оригинальном тексте дважды указан цвет соцветий – желтый, причем оба раза с помощью прилагательного – деривата от основы *złot-* ‘золото’, что под-

¹ Словник української мови. Академічний тлумачний словник (1970–1980). [Електронний ресурс]: <http://sum.in.ua/s/vesnjanka> (дата обращения: 15.01.2023).

² Słownik stereotypów i symboli ludowych. T.II: Rośliny. Kwiaty. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2022. S. 189–193.

разумевают их высокую эстетическую оценку: «Najrańszy kwiatek pierwsnek / Błysnął ze **złoty**ch obłonek»; «Przymruż **złociste** światelka». Указанию непосредственно на цвет соцветий сопутствует подчеркивание их яркости: в первом случае благодаря предикату *błysnął* ‘блеснул’, во втором – за счет метафорической номинации *światelka* ‘огоньки’. При этом, однако, и герой-поэт, и сам пролесок в своих репликах указывают на неяркость цветков, что может показаться своего рода противоречием вышесказанному: «Mało wzrostu, **mało blasku**, / Cóż ci daje tyle chluby?» Вероятно, это противоречие разрешимо, если принять во внимание, что появление первоцветов приходится на раннюю весну, когда их цветы смотрятся особенно ярко на фоне прошлогодней листвы и травы, а молодая зелень еще только-только пробивается. Упоминая же о неяркости соцветий, юноша сравнивает пролесок с другими декоративными растениями, которым тот уступает.

Присущий пролеску желтый цвет соцветий получил закрепление и в народных названиях растения – это, например, *kluczyki żółte* ‘желтые ключики’, *dzwonki żółte* ‘желтые колокольчики’, *kurze pazurki* ‘куриные коготки’.

Указание на желтый, золотой цвет соцветий – важный элемент образа растения: это отчасти доказывает и тот факт, что переводчики также стараются сохранить цветообозначение. В качестве соответствия *złoty*ch *obłonek* в русских переводах выступают *золотые пеленки* (у Н. Семенова) и *золотистая пленка* (у Л. Мартынова), в украинском – *золота оболонка*; в белорусском переводе упоминается только, что «цветка першая – пралеска / Бліснула сярод паляны».

Интересно, что метафору *złociste światelka* в переводе дословно сохраняет только Л. Мартынов: «Прижмурь **златые огонечки**». В остальных трех восточнославянских переводах соцветия называются по сходству с глазами: «Зажмурь **златистый твой глазок**» (Н. Семенов), укр. «**Очка примруж золотисті**», белор. «Зажмур **вочки залатыя**». С одной стороны, данное словоупотребление можно объяснить предшествованием императива *przymruż* ‘зажмурь’: и польский глагол, и его восточнославянские эквиваленты имеют крайне ограниченную лексическую сочетаемость, появление в качестве дополнения иной, нежели обозначение глаз, лексемы является здесь авторским тропом, который передает только один переводчик. С другой стороны, следует отметить, что соотносительность образа цветка и его соцветия вообще с глазами (ср. др. рус. флоронимы *анютины глазки*, *голубоглазка*; укр. *синьоочки* и пр.) имеет достаточно глубинную этнолингвистическую природу.

Как указывалось выше, ярко выраженному указанию на желтый цвет соцветия противоречат эквиваленты, выбранные украинским и белорусским переводчиком, в литературном языке относящиеся к иному растению, цветущему синим. Возможно, флоронимы *пролісок* и *пралеска* употреблены в диалектных значениях: по крайней мере, есть сведения об употреблении флоронима *проліски* в значении ‘первоцвет’ в Днепропетровской области¹; а в словаре Зоськи Верас для флоронима *пралеска* дается русский эквивалент *ветреница* (растение-первоцвет с бело-желтыми цветами); впрочем, в той же словарной статье дано латинское название *Neratica triloba*, не соответствующее русскому эквиваленту: это растение, по-русски называемое *печеночницей*, имеет синие цветы².

¹ Смик Г.К. Корисні та рідкісні рослини України: словник-довідник народних назв. Київ: УРЕ, 1991. С. 137.

² Верас З. Беларуска-польска-расейска-лацінскі ботанічны слоўнік. Вільня, 1924. С. 25.

2.2. Размер растения

В тексте стихотворения многократно подчеркивается небольшой размер героя-цветка. Этот признак закреплен и в деминутивных номинациях *kwiatek*, упомянутых выше; и с помощью иных средств. На «малый рост» своего собеседника напрямую указывает и лирический герой: «**Malo wzrostu, mało blasku...**».

Также привлекает внимание широкое использование деминутивов вообще, которые как бы формируют представление о мире предметов и явлений, соотносимых с цветком: так, его соцветия – это *światelka* ‘огоньки’, его лепестки – *obłonki* ‘пленочки’; погубить малыша может *ząbek sronu* ‘зубок инея’, *perelka chłodnej rosy* ‘жемчужинка прохладной росы’, а потому юноша советует ему спрятаться *pod matki rąbek* ‘под краешек, шовчик матушки’; растет он *w podłej trawce, w dzikim lasku* – ‘в жалкой травке, в диком лесочке’; рассуждая о себе, первоцвет называет себя *aniołek* ‘ангелочек’, а о скоротечности своей жизни говорит словами *dni motylka: motylek* – дериват от *motyl* ‘бабочка’.

Небольшие размеры первоцвета отражены и в его образе, представленном в народной картине мира; это видно из его номинаций, которые в большинстве своем носят деминутивный характер: помимо уже упоминавшихся флоронимов *kluczyki*, *dzwonki* и *pazurki*, это, например, *dzbanuszki* ‘кувшинчики’, *Panajezuskowe paluszki* ‘Иисусовы пальчики’, *rantofelki Matki Boskiej* ‘башмачки Богородицы’, *łopuszki* ‘лопушки’ и др.

В переводе Н. Семенова лепестки цветка названы *пеленками*, что усиливает его сходство с маленьким ребенком, а отчасти еще и компенсирует опущение образа матери (земли) в тех строках, где юноша советует цветочку побережь себя: «Зажмурь златистый твой глазок, / **Укройся**, цветок первородной». В переводе появляются эквиваленты-деминутивы *зубок*, *жемчужинка*; а вот место произрастания описано без уменьшительных слов: «в траве **ничтожной** в **перелеске...**». Несмотря на наличие суффикса -к и элемента значения ‘небольшой, молодой’, лексема *перелесок*, будучи образованной префиксально-суффиксальным способом и используемой в качестве номинации особого типа леса («Небольшой лес, отделенный полянами от других лесных участков; редкий или молодой лес»¹), все же не может считаться в полном смысле деминутивом. Без уменьшительного значения употреблена и автономная ангел: «Мне, **ангелу** весны чудесной...». Что касается эквивалента лексемы *motylek*, переводчик выбирает лексему *мотылек*, которая отчасти может считаться соответствием деминутивом благодаря наличию «традиционно-поэтического значения» ‘летающая бабочка’².

Помимо деминутивов-эквивалентов, в переводе также появляются «самостоятельные», не имеющие соответствия в оригинале, деминутивы *веночек*: «...на **веночек** / Возьми для них ты мой цветочек» и *глазок* (как замена метафоры *swiatelka*).

В переводе Л. Мартынова упомянуты *зубочки инея* и *златые огонечки* соцветий, а вот лепестки названы, без уменьшительного значения, *золотистой пленкой*. Образ маленькой жемчужины росы опущен; вероятно, именно в качестве компенсации в этом стихе появляется деминутив *ночка*: «Страшна роса холодной **ночки!**» В автономии использован деминутив *ангелочек*.

Интересно, что, как и в переводе Н. Семенова, жизнь цветка сравнивается с жизнью мотылька: «Как **мотыльки**, родясь с рассветом, / Мы к полдню гибнем», а в качестве дополнительного деминутива возникает тоже в первой реплике пер-

¹ Большой толковый словарь русского языка, 1998. [Электронный ресурс].

² Там же.

воцвета, возникает *веночек*: «Вплети меня ты в свой **веночек**». Для обозначения места произрастания использован как псевдодеминутив *перелесок*, так и уменьшительный фитоним *травки*: «Средь чахлах **травок перелеска** / Ты вырос...».

В переводе М. Пригары большинство деминутивов, что примечательно, опускается: *оболонка*, несмотря на наличие суффикса -к, является основным, нейтральным вариантом лексемы со значением ‘оболочка, покров’; *травы, росы, зазимки* – также лишены деминутивного значения; впрочем, обращает внимание их употребление во множественном числе: множественность иных объектов как бы противопоставляется единственности (уникальности ли? одиночеству ли?) героя (в украинском переводе, скорее, героини) – цветка.

Зато в переводе появляется деминутив *віночок* (так же, как и в русских текстах), а метафора, описывающая соцветия, воспроизведена с деминутивом: «**Очка** примруж золотисті». Однократно небольшой размер растения указан на лексическом уровне: «Друзі вітатимуть радо / Квітку **малу** з переліску» (в этих строках как раз опущен образ «ангелочка», вестника весны).

Интересно также употребление ласкательной номинации *ненья* ‘мама, мамочка’: «Знову сховайся до **нєні**» – по отношению к земле, в которой может спрятаться цветок.

Перевод М. Аврамчика в большей степени, нежели украинский, сохраняет деминутивы: в нем упомянуты *маладой вясны* **анёлак, расінкі ледзяныя** (без указания на сходство росы с жемчугом), **вочки залатыя**. В описании места произрастания вместо леска появляется «тенек» берез: «Між травы ў **цяньку** бяроз ты / Выглянула, дарагая!» Без уменьшительного значения упоминаются *іней* и *век матыліны*. Появляются также «самостоятельные» деминутивы: **званочак жаўронка, сукеначка лілеі**.

2.3. Части растения

Один из способов, использованных автором для формирования у читателя полного и выразительного образа героя-цветка, было упоминание составных частей растения, также наделенных определенными характеристиками. Выше мы уже указывали на употребление в оригинальном тексте и переводах таких элементов, как **лепестки** (описательная номинация *złote obłonki*), **соцветия** (*złociste światelka*).

О своем соцветии говорит и само растение, предлагая его в дар для весеннего венка: «Upleć wianek z mego **kwiatku**, / Wianek to będzie nad wianki» (дословно: «Сплети венок из моего цветка, / Будет это венок из венков»). Так как из одного цветка сплести венок невозможно, предположительно, лексема *kwiatek* употреблена здесь в собирательном значении ‘цветы’. Значение данного двустипа достаточно точно передано в переводе Н. Семенова: «На веночек / Возьми для них ты **мой цветочек**, / Венок то будет из венков».

В украинском и белорусском переводах использована иная стратегия: идея предложения в дар части себя снимается. В белорусском тексте цветок предлагает сплести венок из примул (т. е. своих собратьев, возможно, в том числе и из себя самого); при этом, кстати, он вдруг считает важным намекнуть влюбленному поэту, что такой венок подошел бы и для свадьбы (в оригинале все же отсутствующей): «Дык спляці вянок з **пралесак**, / Будзе ён хоць і для шлюбу». В украинском переводе цветок советует юноше: «...на віночок зірви ти / Квітку найпершу весняну». Если рассматривать последний стих как автономинацию, получится,

что цветок предлагает в дар самого себя целиком, говоря о себе несколько отстраненно, как бы в третьем лице.

В переводе же Л. Мартынова соответствующие строки звучат с наибольшей «готовностью к самопожертвованию», цветок в своей реплике использует форму личного местоимения «я»: «Вплети **меня** ты в свой веночек, / И будет дар незаменимый!»

Следует отметить, что в последней реплике цветка он также упоминает, дословно, свои... «растения» (sic!): «Przyjaźń ma blasku niewiele / I cień lubi jak **me ziołka**» (дословно: «Дружба не имеет много блеска / И любит тень, как мои растения»). Образ цветка-собеседника как бы укрупняется: теперь это не только отдельное растение, представшее глазам юноши-поэта, но обобщенный образ первоцвета, говорящий от лица всех своих собратьев в целом.

Данный смысл, достаточно трудный даже для экспликации, в переводах утрачивается. В переводе Н. Семенова используется личное местоимение: «...дружба с блеском несовместна, / И тень, как **мне**, отрадна ей». В переводе Л. Мартынова первоцвет использует автономинацию *цветочек*: «...дружке блеска и не надо, / Ей тень любезна, как **цветочку!**» В белорусском тексте цветок говорит о своем хрупком стебельке, для которого тень лучше блеска, – отчасти это пересекается с оригинальной лексемой *ziołka*, которая обозначает растения, чья отличительная черта – тонкий, травянистый **стебель**: «Дружке засень лепш ад бляску / Як **маёй сцяблінцы кволай**». В украинском переводе флоронимическое упоминание опущено: там цветок называет себя *скромным украшением*: «Скромна і мила **принада** / Дружбі миліша від блиску».

В заключительных строках стихотворения, в последней реплике первоцвета, упоминается еще одна важная составная часть растения. Цветок уверен, что друзья поэта будут рады ему, так как дружбе не нужен блеск; а вот с вопросом, будет ли он достоин рук возлюбленной поэта Марыли (имя, как мы помним, прецедентное для цикла и всего сборника), первоцвет будто бы обращается к самой девушке и получает малоутешительный ответ: «Za pierwszy młodości **paćzek** / Zyskam pierwszą... ach! łzę tylko» (дословно: «За первую **почку** любви / Получу первую... ах! слезу только»). В данной реплике голос цветка и голос самого поэта, его любви как бы сливаются воедино: и цветок – извечный символ любви, и влюбленный юноша предвидят готовящийся постичь их отказ во взаимности чувств. «Первым **побегом**», «**бутоном**» любви может быть сочтено и само стихотворение – неслучайно именно оно поставлено *первым* в цикле.

Финальные строки недаром традиционно считаются одними из наиболее трудных для перевода. Следует признать, что во всех четырех переводах переводчики избирали разные стратегии передачи символики и смысла, при этом некоторые грани последнего неизбежно оказывались утраченными.

Наиболее дословно близким к оригиналу оказывается, что любопытно, наиболее ранний перевод – текст Н. Семенова: «Ужель я милых рук нисколько / Не стою, Лиля? – Дай ответ! / За первый юности букет / Слеза мне первая – и только!» Впрочем, нельзя не заметить серьезной, по меркам современных критериев строгости перевода, поэтической вольности: имя возлюбленной заменено на расхожее поэтическое имя *Лилиа* (лишенное, конечно, семантики, неотъемлемо связанной с *Марылей*). Вместо *побега*, *почки* и т. п. в переводе появляется *букет* (что несколько странно, учитывая, что изначально речь шла о плетении венка).

Последние строки в переводе Л. Мартынова содержат несколько иную жалобу: «Ах, очи неземной Марыли / За молодости первоцветы / Лишь первой слезкой отдали!» В отличие от оригинала, где используется будущее время, сетования (первоцвета? или все же лирического героя, который, таким образом, уже испытал разочарование?) обращены к прошлому: судя по всему, красавица заплакала (или, вероятнее, слегка всплакнула), увидев подарок. Под подарком, «первоцветами молодости», возможно, подразумевается юность героя-поэта, которой он готов пожертвовать своей любви; дар же этот возлюбленная, по его мнению, не оценивает достаточно серьезно.

Перевод М. Пригарой этих строк, в соответствии с оригиналом, обращен в будущее время: «Але, небесна Марилько! / Що тобі перша билина! / Їй нагородою тільки / Буде... ах! перша сльозина». В этом варианте возлюбленная поэта пренебрегает не первым побегом юности, а первоцветом вообще. Ее презрительное отношение к нему усилено фразеологическим восклицанием, дословно переводимым как «Что тебе до первой травки!» или «На что тебе первый цветок!». «Наградой», которую получит бедное растение, будет только первая слеза – логично предположить, что прольет ее скорее влюбленный несчастливец, нежели его избранница.

В переводе М. Абрамчика цветок не уверен, удастся ли ему заслужить внимание красавицы: четверостишие составлено из двух вопросов, рассматривающих благополучный и неблагоприятный исход: «Мо' тваёй, Марылька, ласкі / Буду варта хоць хвіліну?.. / Ці за першыя мо' краскі / Будзе першая... слязіна?» Неуверенность усиливает двукратное использование многоточия (по сравнению с однократным использованием в оригинале). Вместо номинации части растения в предпоследнем стихе используется гипероним *краска* 'цветок', уже встретившийся в той же реплике цветка в качестве автономинации.

Итак, мы проанализировали составляющие образа первоцвета в стихотворении «Pierwiosnek» и его переводах на восточнославянские языки. Основное внимание было уделено:

- **номинациям растения**, использованным в заглавии текста, заглавиях реплик и в самих стихах; помимо номинаций, исходящих от автора и лирического героя, были зафиксированы и «автономинации», используемые в репликах героя-цветка;
- **атрибутам образа растения**, среди которых в качестве основных были выделены цвет, размер и названия отдельных частей растения. Нам удалось определить, что небольшой размер и желтый цвет соцветий являются ключевыми деталями образа растения, что имеет свое подтверждение и в национальной и народной культуре, а также, что основными элементами растения, важными для его художественного образа, являются соцветия, лепестки, а также, вероятно, стебель.

Также мы зафиксировали такие составляющие образа первоцвета, как **время цветения** (ранней весной), **место произрастания** (лесок), его **взаимоотношения со стихиями и силами природы**: земля приходится ему заботливой матерью, а роса, иней таят для него угрозу.

При всей близости исследуемых славянских языков следует признать, что перевод данного стихотворного текста на русский, украинский и белорусский языки представляет собой сложную и многоплановую задачу, с которой каждый переводчик справлялся по-разному. Наличие трудностей, связанных с переводом заглавия

текста, заглавий реплик, номинаций и автохарактеристик, а также составных элементов образа, провоцировало использование таких переводческих стратегий, как опущение, компенсация, замена. Образ цветка в переводных текстах оказывается в общем схожим с представленным в оригинале, однако может отличаться некоторыми, иногда довольно существенными деталями (упоминание *букета* вместо *венка*, опущение номинации со значением ‘ангел, ангелочек’ и т. п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мицкевич А.* Стихотворения, поэмы / Пер. с пол.; вступ. статья, сост. и примеч. Бориса Стахеева. М.: Художественная литература, 1979. 350 с.
2. Сочинения А. Мицкевича. Рус. пер. В. Бенедиктова, Н. Семенова и др. рус. поэтов / Под ред. Н. Полевого. Т. 1. М.; СПб., 1882. 356 с.
3. *Верас З.* Беларуска-польска-расейска-лацінскі ботанічны слоўнік. Вільня, 1924. 64 с.
4. *Мицкевич А.* Вибрані поезії / В перекладах українських радянських поетів. Київ: Радянський письменник, 1948. 206 с.
5. *Мицкевич А.* Выбранные творы / Переклад на беларускую мову. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, Рэдакцыя мастацкай літаратуры, 1955. 270 с.
6. *Смик Г.К.* Корисні та рідкісні рослини України: словник-довідник народних назв. Київ: УРЕ, 1991. 432 с.
7. *Słownik stereotypów i symboli ludowych. T. II: Rośliny. Kwiaty.* Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2022. 300 с.

REFERENCES

1. Mickiewicz A. (1979) Verses, Poems / Transl. from Polish; introd., compil. and comment. by Boris Stakheev. Moscow. 350 p.
2. Poetry by A. Mickiewicz. Russian translations by V. Benediktov, N. Semenov et al. / Ed.: N. Polevoy. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg. 1882. 356 p.
3. Veras Z. (1924) Belorussian-Polish-Russian-Latin Botanical Vocabulary. Vilnius. 64 p.
4. Mickiewicz A. (1948) Selected Poetry / In transl. of Ukrainian Soviet poets. Kiev. 206 p.
5. Mickiewicz A. (1955) Selected Poetry. Translated into Belarusian language. Minsk. 270 p.
6. Smyk G. (1991) Useful and Rare Plants of Ukraine: Dictionary-Reference of Folk Names. Kiev. 432 p.
7. Dictionary of Stereotypes and Folk Symbols. Vol. II: Plants. Flowers. Lublin. UMCS Publisher. 2022. 300 p.

Сведения об авторе:

Александра Александровна Широкова,
аспирантка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Aleksandra A. Shirokova,
PhD Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
szuroczka.szyrokowa@gmail.com